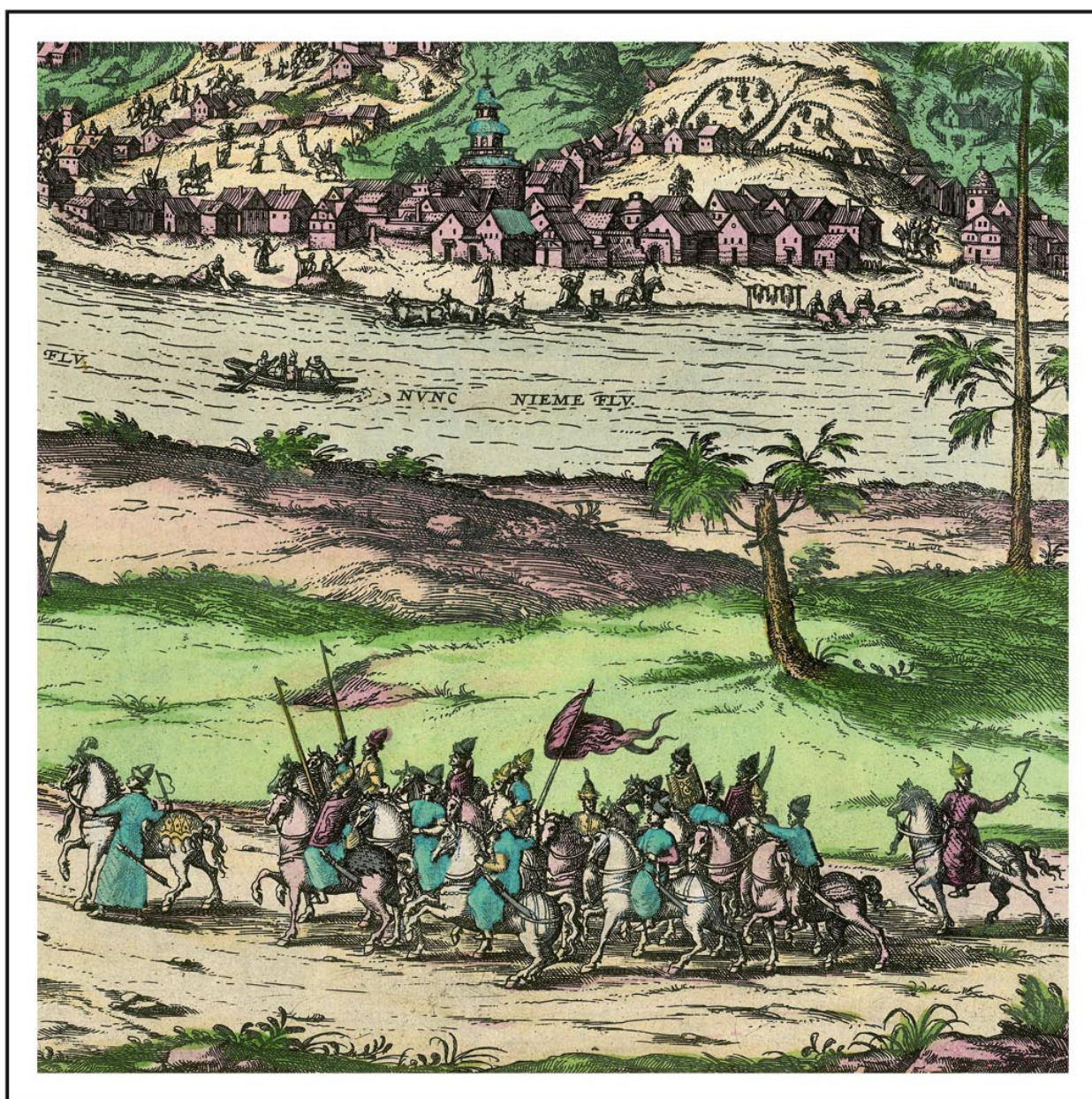

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

М.М. БЕНЦИАНОВ

СЛУЖИЛЫЕ ЭЛИТЫ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Формирование, статус, интеграция
XV—XVI вв.

Новейшие исследования по истории России

Михаил Бенцианов

**Служилые элиты Московского
государства. Формирование,
статус, интеграция. XV–XVI вв.**

«Центрполиграф»

2021

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43-68

Бенцианов М. М.

Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция. XV–XVI вв. / М. М. Бенцианов — «Центрполиграф», 2021 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-09147-5

Формирование Московского государства в XIV—XV вв. означало не только объединение земель Северо-Восточной, а затем и Северо-Западной Руси в рамках одного государственного образования, но и консолидацию местных элит под властью «государей всея Руси». Этот процесс был значительно растянут во времени, а его интенсивность определялась актуальными задачами внешней и внутренней политики. Процесс адаптации «чужеродных элементов» в служебную систему имел две важные составляющие: способность и целесообразность с точки зрения центральной власти вписать их в сложившуюся иерархию и, с другой стороны, желание самих подобных «элементов» приспособливаться к действующим правилам игры. В фокусе исследования находится несколько значимых групп: «князья» (потомки местных и выездных правящих династий), бывшие удельные «вассалы», а также прибывавшие в Москву иностранцы (в первую очередь выходцы из соседнего Великого княжества Литовского). Комплексное исследование дает возможность восстановить их роль и значение в политической жизни XV—XVI столетий, показывает особенности их статуса и механизмы интеграции в систему государевой службы. Книга рассчитана на историков и читателей, интересующихся историей развития российской государственности. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43-68

ISBN 978-5-227-09147-5

© Бенцианов М. М., 2021

© Центрполиграф, 2021

Содержание

Введение	6
Глава 1	17
«Молодшая братья»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Михаил Михайлович Бенцианов

Служилые элиты Московского государства. Формирование, статус, интеграция XV–XVI вв.

Введение

Постепенное формирование Московского государства в XIV–XV вв. означало не только объединение земель Северо-Восточной, а затем и Северо-Западной Руси в рамках одного государственного образования, но и консолидацию местных элит под властью «государей всея Руси». Выбранная военно-политическая модель развития, недостаточность числа исполнителей соответствующего статуса (особенно на ранних этапах) определяли значимость этого процесса при проведении внутренней политики, а его связь с определением состава лиц, приближенных к правящей династии, объясняла личную заинтересованность великих князей в формировании круга близких к ним лиц и фамилий.

Как правило, складывание конгломерата служилых людей обрисовывалось в исторической литературе широкими мазками. В. О. Ключевский с присущей ему яркостью образов писал о том, что «до XV в. московское боярство отличалось сбродным составом, слагалось из единиц различного происхождения, прибывавших в Москву при различных обстоятельствах»¹. Следуя этой логике, процесс адаптации подобных «единиц» под действующие нормы, выработка единых стандартов службы должны были растянуться на долгое время. Распространенным является мнение о длительном бытовании в политическом строе страны удельной аристократии, которая получила отражение в том числе в сохранении специфических черт некоторыми группами служилых людей. Их изучение, соответственно, рассматривалось под углом постепенного изживания «старинности» и укрепления позиций централизованного государства². При отсутствии комплексных исследований ряд сделанных в рамках такого подхода ценных наблюдений не дает ответа на вопрос о различии вариантов действий государственной власти.

Потенциал жесткой и последовательной политики по искоренению прежних порядков был продемонстрирован в Новгородской и Псковской землях, где выселению подверглась подавляющая часть местных землевладельцев. Известны были и примеры эффективного решения «княжеского вопроса». Князь Данила Васильевич Ярославский, скорее всего, взамен родовых владений получил села в Звенигородском уезде. Вотчины в Переславском уезде достались также Пенковым. Несколько позднее многие представители ростовского княжеского дома были переселены в Новгород, где получили обширные поместья. Скорее всего, они были ком-

¹ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. М., 1902. С. 209–210.

² Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. М., 1947. Т. 22. С. 101–127; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 67–153, 260–270; Он же. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. М., 1977. С. 161–188; Он же. Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV – первой трети XVI в. // ВИД. Л., 1973. Вып. 5. С. 182–195; Флоря Б. Н. О путях политической централизации (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 281–290; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 48–89; Сметанина С. И. Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // АРИ. М., 1995. Вып. 5. С. 49–80; Назаров В. Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // РД. М., 1999. Вып. 5. С. 175–196; Он же. О титулованной знати в России в конце XV в. // Древнейшие государства Восточной Европы 1998 г. М., 2000. С. 195–204; Попов С. Н. Тверская знать на московской государственной службе в конце XV – первой половине XVI в. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006; Городилин С. В. К вопросу о родовых владениях ростовских князей после прекращения существования Ростовского княжества // История и культура Ростовской земли. 2012. Ростов, 2013. С. 55–65.

пенсацией за родовые земли, перешедшие в ведение Ивана III. Позднее по той же схеме в Стародубе-Ряполовском и в Можайске обосновались князья Мезецкие, лишенные родового княжества³. В опале были конфискованы обширные вотчины князя Ивана Юрьевича Патрикеева. Позднее неоднократно опалы настигали служилых князей Воротыньских, М. Л. Глинского, не говоря уже о «поимании» князя Василия Шемячича. То есть существовали весьма действенные инструменты приведения служилых людей к одному общему знаменателю, а сохранение некоторыми группами обособленного положения объяснялось более широким спектром причин.

Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московии» точно подметил абсолютный характер власти московских правителей: «Властью, которую он (Василий III. – М. Б.) имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира»⁴. Сдерживающими факторами в решении судебных определенных лиц и их объединений в долговременной перспективе, учитывая инерцию принятия решений – пресловутую московскую волокиту, в этом случае выступали лишь соображения функционального характера. Обособленные группы должны были оправдывать свою полезность в рамках действующей социально-политической системы. Некоторые из них создавались и поддерживались центральным правительством для реализации конкретных задач и органично вписывались в существующую модель государственного устройства. Постепенная трансформация их структуры и последующий уход с исторической арены происходили в соответствии с возникающими запросами и были связаны с попытками найти эффективные решения (методом проб и ошибок) актуальных вопросов действующей системы управления.

Соответственно, процесс адаптации «чужеродных элементов» в служебную систему имел две важные составляющие: способность и целесообразность с точки зрения центральной власти вписать их в сложившуюся иерархию, уравнивая в правах с детьми боярскими, а иногда и с более высокими по статусу социальными прослойками (служилые князья, например) и, с другой стороны, желание самих подобных «элементов» меняться и приспосабливаться под действующие правила игры.

Последнее обстоятельство далеко не всегда имело место. Многие татарские мурзинские (мирзинские) рода на московской службе долгое время осознанно отказывались переходить в православие, которое открывало перед ними возможности карьерного роста и быстрого проникновения в структуру Государева двора⁵. Уезжали (бежали) со службы некоторые иностранцы. В известном деле Петра Фрязина, перешедшего в православие и женившегося в Москве, последний уверял, что «держал его князь великий силою»⁶. Вернулись в Европу впоследствии и немцы-опричники Генрих Штаден, Иоганн Таубе, Элерт Крузе, не говоря уже о менее известных лицах. Гораздо более многочисленными и более болезненными для самолюбия московских правителей были обратные выезды (побеги) выходцев из Великого княжества Литовского, некоторые из которых впоследствии доставляли им немало неприятностей (князь Константин Острожский, Евстафий Дашкевич).

С течением времени соотношение названных составляющих претерпевало вполне естественные изменения. В зависимости от внутри- и внешнеполитической ситуации (особенно в случае с иностранцами на московской службе) менялась заинтересованность центральной власти в увеличении степени вовлеченности тех или иных обособленных групп в общегосударственные процессы. Соответствующие изменения происходили и в их статусе. С другой сто-

³ Зимин А. А. Формирование... С. 84, 92–93, 135; Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVI века. М.; СПб., 2009. С. 94–95.

⁴ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988. С. 72.

⁵ Акчурина М. М. Административно-территориальное устройство Мещеры XV – начала XVII в. (Этнополитические аспекты). Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2019.

⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). СПб., 1841. Т. 1. № 140. С. 203–204.

роны, периодическому размыванию подвергались ряды членов подобных групп. Как правило, принадлежность к ним, при сохранении определенного стабильного положения, становилась препятствием для карьерного роста, так что некоторые представители выходили из их состава и продвигались по лестнице чинов благодаря индивидуальным (семейным) достижениям и связям. В различные периоды указанные процессы имели разную интенсивность, а их развитие предопределяло длительность сохранения особого положения части служилых людей в рамках единой служебной системы.

Начало процессу проникновения «инокняжцев» в служилую среду было положено в рамках практики свободных боярских переходов, зафиксированной в межкняжеских докончаниях: «А бояром и слугам вольным воля». На службу к московским князьям, могущество которых возрастало на протяжении всего указанного периода, стекались «служилые землевладельцы» из разных, иногда весьма удаленных территорий. Некоторым из них удавалось занять высокие места при дворе у Ивана Калиты и его потомков, хотя в общем процесс формирования старомосковского боярства имел точечный характер. Общее число бояр при московском дворе было весьма небольшим. До определенного времени в число приближенных великого князя входило не более десятка семей, хотя их количество и росло на протяжении всего XIV в.

Боярским переходам способствовало установление контроля над территорией великого княжества Владимирского, благодаря которому под стяги Москвы в походах наряду с членами дворов князей московской династии собирались территориальные ополчения из прежде независимых земель и княжеств. Рати («силы») представляли собой достаточно серьезный военный ресурс. В ряде случаев они даже действовали автономно, в качестве отдельных отрядов в дальних походах на значительные расстояния. Источники сохранили большое число подобных примеров. В 1388 г. суздальские князья «испросиша себе (у Дмитрия Донского. – М. Б.) силу в помощь, рать можайскую и звенигородскую и волотьскую». В 1411 г. в походе Юрия Звенигородского к Нижнему Новгороду участвовали князья Андрей и Василий Владимировичи, «да князи ярославские, да князи ростовские, да костромская сила»⁷.

В составе ратей присутствовали представители феодалитета – бояре и слуги, которые, однако, не были в них единственным составным элементом. В целом масса участников таких походов не отличалась единообразием. Уровень социально-экономического развития существенно отличался в разных частях Северо-Восточной Руси. На северных окраинах отсутствовало или было слабо представлено боярское землевладение. Устюжская и вологодская рати, не говоря уже о воинственных вятчанах, тем не менее регулярно встречались на страницах летописей. Их военный потенциал сохранял свое значение даже в начале XVI в., уже после создания поместной системы. В 1503 г., например, «князь великий (Иван III. – М. Б.) посылал ратью устюжан да двинян стеретчи Иванагорода от немцев»⁸.

Участие в «ратях» широких слоев населения было характерно и для центральных районов. Московские купцы присутствовали в составе наскоро собранных войск, выступивших в 1433 г. против Юрия Звенигородского. Много позднее, в казанском походе 1469 г., среди москвичей, «кои пригожи по их силе», также находились сурожане, суконники и купчие люди⁹.

Тем не менее очевидно, что основную ударную силу в ратях составляли именно бояре и слуги, имевшие навыки военных действий. Привлечение их к походам (по сути, нерегулярная служба) создавало предпосылки для будущего перехода на обязательную службу с подчинением непосредственно самому великому князю или кому-то из его «братья меньшей» и уравнением в правах со «старыми слугами» московских князей. Этот процесс был, однако, далеко

⁷ Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 432; Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1863. Т. 15. С. 487.

⁸ ПСРЛ. М., 1982. Т. 37. С. 52.

⁹ Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009. С. 16, 66–68.

не однозначен и растянулся на длительное время. Ключевым фактором, тормозившим его развитие, являлся вопрос о вознаграждении за службу.

Необходимость выплачивать татарскую дань долгое время ограничивала рост численности княжеских дворов. Служба, с набором соответствующих прав, в числе которых было освобождение от дани, в этих условиях неизбежно приобретала привилегированный характер. Переход бояр и слуг вольных к новым «сюзеренам» после утраты самостоятельности их прежними княжествами происходил в индивидуальном порядке. Количество кормлений, основных источников содержания бояр, было ограничено. Весьма незначительным было и число условных держаний на дворцовых землях. Контроль над той или иной территорией (очередные «примыслы») приводил к появлению там их сподвижников, «вернейших паче всех» московских бояр. При отсутствии до определенного времени (ориентировочный рубеж – середина XV в.) заинтересованности в массовой службе часть местного боярства теряла источники своего дохода, что в первую очередь отражалось на их статусе. В том числе эта судьба ждала некоторых находившихся прежде на княжеской службе лиц.

Комплексные ограничения, рассчитанные на защиту «черных» крестьянских земель – основных плательщиков «выхода», сдерживали рост боярского землевладения и не позволяли князьям завоевывать расположение своих «вассалов» путем масштабных раздач. Фискальные интересы в условиях постоянной опасности татарских набегов в этом случае играли доминирующую роль. Соответственно, вопрос закрепления за собой и своими потомками новых территорий оставался по мере расширения небольшого Московского княжества неопределенным. При изменении политической ситуации они легко меняли свою владельческую принадлежность, переходя от одного княжеского дома к другому. В какой-то мере этот вопрос решался за счет выборочного привлечения на свою сторону представителей местной знати. Московскими боярами из отдаленных от столицы земель уже в XIV столетии стали, например, костромичи Зерновы (род Сабуровых и Годуновых по определению Государева родословца), юрьевцы Добрыньские и Станищевы, белозерцы Монастыревы. Приведенным примерам, очевидно, не хватало системности и масштабов, которые способны были бы стать основой для широкого представительства провинциальных элит в окружении великого князя.

Снижение зависимости от Орды и объединение большого массива русских земель кардинально изменили существовавший расклад сил. Центральному правительству уже во второй половине XV в. потребовалось многократно увеличить число исполнителей различного уровня. Прежде всего для несения военной службы («дальних» походов), на постоянной основе. Очень скоро служба приобрела обязательный характер для большинства крупных и средних землевладельцев вне зависимости от характера их прав на землю: вотчинники, держатели, позднее помещики. Основную массу служилых людей составили дети боярские. Первоначально представители этой категории упоминались в качестве членов княжеских дворов (князья, бояре и дети боярские и «все дворяне» из жалованных грамот). Уже в казанском походе 1469 г., однако, наряду с детьми боярскими «двор свои» (Ивана III. – М. Б.) упоминались «от всеа земли дети боярские изо всех градов»¹⁰. К этому времени основные характеристики статуса детей боярских были, очевидно, распространены на широкие слои пригодных к службе лиц различного происхождения. Из них были сформированы территориальные объединения (корпорации) служилых людей, будущие «города».

Успешность этого начинания демонстрируется отсутствием упоминаний о существующих различиях для детей боярских из большинства уездных корпораций. На равных службу несли представители примыкающих к Москве уездов, «понизовых городов дети боярские», недавние «вассалы» откровенно враждебных Василию Темному удельных князей, а также выходцы из недавно присоединенных княжеств.

¹⁰ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 281.

Созданная служебная система эффективно цементировала новое государственное образование, многократно увеличивая количество связей между его отдельными территориями (уездами) с центральным правительством и придавая ему необходимую целостность. Эта система могла функционировать на протяжении длительного времени при условии обеспечения лояльности задействованных в ней служилых людей. Одним из первых шагов, сделанных в этом направлении, стало широкое привлечение выходцев из местных элит в состав Государева двора, особой военно-политической корпорации, созданной в годы Феодальной войны. Процедура отбора отразилась, хотя и в самых общих чертах, в летописном известии 1463 г. о действиях наместника Иоанна Агафоновича Сушего, собравшего ярославских вотчинников (князя Ивана Стриги Оболенского. – М. Б.): «А кто будет сам добр, боарин или сын боярской, ин его самого записал». Это известие дополняется актовыми материалами, согласно которым отобранные ярославцы были собраны в Москве, где получили жалованные грамоты на свои вотчины, то есть, вероятно, приобрели статус дворовых детей боярских¹¹.

Дворовая тетрадь 1550-х гг., наиболее полный список дворовых детей боярских середины XVI в., показывает, что к этому времени в составе Государева двора присутствовало, по крайней мере, 44 отдельные территориальные группы. Сопоставление этого документа с другими источниками, восходящими к упоминаемой в родословных росписях «дворовой книге» 1536/37 г., дает основания говорить о том, что территориальная структура Государева двора существовала уже, по крайней мере, во втором десятилетии XVI в. и последовательно прирастала новыми рубриками в соответствии с расширением границ Московского государства.

Попадая в состав этой привилегированной корпорации, местные дети боярские получали доступ к системе государственного управления. Некоторые из них делали успешную придворную карьеру. Часто их служба, как военная, так и административная, проходила поблизости от родных для них уездов, что позволяло уменьшить издержки для центрального правительства и повышало значение представителей местных элит в ее организации. Как члены Государева двора, они получали кормления, а впоследствии с началом поместных раздач – более высокие земельные оклады.

Сами эти массовые поместные раздачи, начавшиеся после завоевания Новгородской республики в 1478 г. и продолжающиеся на протяжении нескольких последующих десятилетий, приобрели важнейшее значение для рядовых детей боярских. пожалование поместья при отсутствии вотчин не только позволяло выступать в поход «конно, людно и оружно», но и, при условии его передачи следующим поколениям, что стало обычной практикой уже в конце XV столетия, обеспечивало наследственный непрерывный характер службы, гарантируя тем самым устойчивость их статуса. Одним из элементов поместной системы стало периодическое проведение смотров служилых людей, по итогам которых происходило наделение земельными участками безземельных детей боярских. Прожиточные поместья выделялись также вдовам с малолетними детьми. Эти меры предоставляли необходимые гарантии и защищали основную массу детей боярских от социальной деградации при возникновении различных жизненных коллизий.

Для великокняжеской власти поместные раздачи дополнительно давали возможность разнообразить личный состав служилых людей на местах за счет новых выдвиженцев из более низких социальных слоев (различные дворцовые слуги, бывшие «люди» представителей знати и т. д.), выезжих иностранцев и невольных переселенцев. «Выводы» представляли собой радикальный способ достижения нужного баланса сил на «проблемных», недавно присоединенных территориях.

¹¹ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 158; Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века (далее – АСЗ). М., 1997. Т. 1. № 312. С. 302–303.

Впервые «поимания» неугодных лиц с их последующим переводом в центральные уезды были зафиксированы в 1477 г. в Новгороде, где они продолжались на протяжении нескольких последующих десятилетий. Их итогом стало почти полное исчезновение землевладения местных бояр и жить их. За некоторыми исключениями незначительные участки сохранили за собой лишь своеземцы, владения которых также сокращались на протяжении всего XVI в. После взятия вятских городков в 1489 г. выселению подверглись также местные «лутчие люди». Позднее та же судьба постигла псковских бояр, а также землевладельцев некоторых захваченных у Великого княжества Литовского территорий.

Численность детей боярских значительно выросла в последние десятилетия XV в. за счет демократизации службы. Большое значение в этом процессе сыграло также существенное расширение границ государства. Представители недавно присоединенных земель и княжеств пополняли собой число служилых людей. На положение детей боярских переходили как родовитые потомки княжеских фамилий, так и бесфамильные бывшие холопы. Очевидно, что этот процесс не мог иметь одномоментный характер, а различные по своему происхождению, социальным связям и принципам объединения группы новых детей боярских долгое время сохраняли черты обособленности.

Можно выделить несколько плоскостей, по которым шло размежевание подобных групп с основной массой служилых людей. Прежде всего стоит говорить о размежевании, возникшем в результате сохранения отдельными служилыми корпорациями особых прав, признаваемых центральным правительством. Известна была практика выдачи жалованных грамот «земле» при ее присоединении к основной территории. Следы существования подобных грамот в практике запрета приобретения вотчин иногородцами в Твери, Микулине, Торжке, Оболенске, Белозерье и Рязани упомянуты в дополнительной статье Судебника 1550 г. (указ 1551 г.). Жалованные грамоты выдавались также Новгороду, Смоленску, вяземским «князьям и панам», вероятно, также ярославцам и представителям других земель¹².

Далеко не всегда указанные грамоты впоследствии принимались во внимание. В этом отношении московское правительство отличалось высокой степенью политического прагматизма: соблюдение заданных в них обязательств должно было соответствовать его интересам. В среднесрочной перспективе грамоты, пожалованные Новгороду, Вязьме, а по большому случаю и Смоленску, утратили свое значение и не сказались на судьбах их непосредственных адресатов.

Применительно к рубежу XV–XVI столетий особый статус прослеживается для ярославских землевладельцев. В завещании Ивана III им была посвящена отдельная статья: «А бояром и детем боярским ярославским с своими вотчинами и с куплями от моего сына от Василья не отъехать никому никуда. А кто отъедет, и земли их сыну моему, а служат ему, и он у них в их земли не вступается, ни у их жон, ни у их детей»¹³. В этой статье, наряду с использованием рудиментарной лексики (упоминаются, в частности, бояре ярославские), примечательным является восприятие ярославцев в качестве отдельных субъектов права, отношения с которых строились на договорных началах.

Больше известно о тверичах, которые попали в ведение «государей всея Руси» после похода на Тверь 1485 г. и бегства Михаила Тверского в Литву. В дальнейшем Тверское княжество досталось Ивану Молодому, имевшему на него династические права, который подтвердил права местной знати «у себя пожаловал в боярех учинил». Тверские бояре встречались

¹² Кобрин В. Б. Власть и собственность... С. 68–89; Назаров В. Д. Княжеское родовое землевладение в России: традиционное право и приговор 1551 г. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): Мат-лы XXVIII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 16–35; Грязнов А. Л. Землевладение Белозерских князей и законодательство о землевладении в XVI в. // Комплексный подход в изучении истории Древней Руси: Сб. мат-лов X Междунар. конф. (9–13 сентября 2019 г.). М., 2019. С. 63–65.

¹³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее – ДДГ). М.; Л., 1950. № 89. С. 356.

в источниках и в следующие годы. В 1495 г. в свите Ивана III присутствовали «из Тверские земли бояре». Тверские бояре и окольные упоминались в разрядах также в 1501 и 1509 гг. Их упоминание не было данью формальности. Известно, что длительное время (по крайней мере, до 1513 г.) в Твери функционировала собственная канцелярия, в ведении которой находились вопросы местного управления, в том числе и выдача жалованных грамот. «Двор тверской» упоминался в списке детей боярских 1542 г. во время встречи литовского посольства. Дворовая тетрадь также знает разграничение рубрик «Тверь», где были представлены потомки старинных тверских землевладельцев, и «помещики тверские», объединявшей выходцев из других уездов¹⁴.

В значительной степени автономное существование поддерживалось совместной службой. Зачастую центральное правительство использовало в своих целях сложившиеся ранее формы организации. В походах, как и в удельное время, нередко можно было встретить компактные группы местных детей боярских, выступавших отдельными отрядами. Применительно к тверичам разрядные книги показывают регулярное использование представителей местного боярства в качестве их воевод. В походе 1493 г. среди воевод «изо Твери» находились тверские служилые князья Осип Дорогобужский и Владимир Микулинский, а также сразу несколько представителей тверского боярства. Судя по спискам погибших, тверичи участвовали в походе на Казань 1496 г. Среди воевод этого похода закономерно присутствовали тверские бояре. В 1500 г. в походе на ливонских немцев участвовали «Иван да Петр оба Борисовича (Борисовы-Бороздины. – М. Б.) и с тверици». Тверские воеводы сыграли свою роль также в победе на Ведроши, где погиб Михаил Шишков «тферитин»¹⁵.

Подобным образом первоначально развивались события и в Новгороде. В 1481 г. новгородские бояре Василий Казимир и Александр Самсонов были отправлены «с новгородскою силою» в помощь псковичам¹⁶.

На южной «украине» несли свою службу представители рязанского боярства. Некоторые из них регулярно отмечались в разрядных книгах. В 1521 г., например, в Рязани вместе с московским наместником находилось сразу 9 представителей этой корпорации, находившихся как на великокняжеской, так и на рязанской службе. Такая же ситуация повторилась в 1531 г., когда в разрядах «за городом на Резани» было отмечено 8 рязанцев из местных боярских фамилий¹⁷. Эта практика была продолжена и в дальнейшие годы.

Следует понимать, что в большинстве примеров подобная роль местной боярской знати была характерна лишь для начальных этапов вхождения той или иной территории в состав единого государства. В дальнейшем по мере формирования и укрепления здесь позиций центрального правительства представители «старой» элиты постепенно отходили на второй план. Их место занимали присланные из Москвы воеводы и наместники (в Новгороде также дьяки). Разделение территории бывшего Тверского княжества между сыновьями Ивана III в значительной мере подорвало потенциал тверского боярства. Сами тверские бояре, как особая категория, исчезают из источников сразу после 1509 г. Вскоре прекратила свою деятельность особая тверская канцелярия. Прекратились и упоминания о «тверской силе» во главе с представителями местного боярства. Еще более скоротечной оказалась служба новгородских бояр, высланных из Новгородской земли. Исключение было сделано для рязанцев. «Стратилатская» служба многих потомков рязанских бояр проходила на крайне опасном южном направлении, подвержен-

¹⁴ Флоря Б. Н. О путях политической централизации... С. 282–284; Антонов А. В. Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV – середины XVI века // РД. М., 1998. Вып. 3. С. 112–113; Флоря Б. Н. Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике // АЕ за 1973 г. М., 1974. С. 45.

¹⁵ Разрядная книга 1475–1598 гг. (далее – РК 1475–1598). С. 23, 27, 28, 30, 31; Псковские летописи (далее – ПЛ). М., 1941. Вып. 1. С. 85; Памятники истории русского служилого сословия (далее – ПИРСС) / Сост. А. В. Антонов. М., 2011. С. 173.

¹⁶ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 269.

¹⁷ РК 1475–1598. С. 66–67, 76.

ном постоянным татарским набегами. Здесь им трудно было найти полноценную замену, что объясняет долговременное сохранение ими своего влияния в регионе.

Определенное значение при сохранении обособленности имела, конечно, инерция решений великокняжеской власти, продлевавшая существование определенных групп на длительные сроки. В Тысячной книге 1550 г. и в Дворовой тетради, например, встречались упоминания о «людях» удельных князей Андрея Старицкого («пойман» в 1537 г.), Юрия Дмитровского (1533 г.), Дмитрия Углицкого (умер в 1521 г.) и служилого князя Василия Шемячича (заключен под стражу в 1525 г.)¹⁸.

Существовали и группы бывших удельных городских детей боярских. В середине века они все еще не были объединены с уездными детьми боярскими. По отдельным спискам служили и некоторые сложившиеся в рамках удельных и служилых княжеств территориальные корпорации, в том числе весьма дробного характера. В 1552 г. в Путивле находилось несколько отрядов детей боярских. Часть из них представляли отдельные волости, входившие прежде в северские княжества: Товарковой слободы, Мышеги, Хотуни. Упомянутые здесь «мышажане» фигурировали также в разряде казанского похода 1549 г.¹⁹ Не отличаясь по существу от остальных детей боярских, они тем не менее долго не сливались с ними в рамках единых «городов».

Подобное положение вещей устраивало центральное правительство, которое не предпринимало решительных действий для его пересмотра. С делопроизводственной точки зрения в этом случае наиболее простым решением было продолжение ведения составленных когда-то списков «людей» удельных и служилых князей без проведения трудозатратных верстаний, хотя очевидно, что при наличии политической воли решить этот вопрос было достаточно просто. В 1550-х гг. с проведением общегосударственных смотров большая часть подобных групп перестает упоминаться в источниках.

Отличались от местных детей боярских также переселенцы, переведенные на новые места службы. По наблюдению В. Б. Кобрин, именно на них первоначально распространялось употребление термина «помещик»²⁰. Вопрос о подобных переселенцах стоит разделить на две части. С одной стороны, речь шла о поместной колонизации новоприсоединенных территорий на окраинах страны. Новые корпорации, создаваемые здесь, включали в себя большое число выходцев из различных уездов, превращаясь в своеобразные «плавильные печи». Первым примером такого рода стала Новгородская земля, в которой были представлены выходцы практически из всех уездов²¹. Позднее этот опыт был распространен на Вяземский, Дорогобужский и Бельский уезды, которые перешли под власть Москвы после успешных войн с Великим княжеством Литовским. Общность статуса и совместная служба в течение короткого времени нивелировали разницу между детьми боярскими, происходившими из разных уголков страны. Новгородцы, потомки испомещенных на конфискованных землях, московских служилых людей, в первой половине XVI в., не говоря уже о более позднем времени, представляли собой монолитную массу, в которой практически невозможно было выявить исходные составные элементы. Их обособленность от остальных служилых людей имела уже вторичный характер и была обусловлена особенностями их службы²².

¹⁸ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. (далее – ТКДТ). М.; Л., 1950. С. 60, 66, 68, 81, 161, 164, 205, 208.

¹⁹ Русский исторический сборник (далее – РИС). М., 1842. Т. 5. Кн. 2. С. 27; Роспись «городам» детей боярских по воеводским полкам накануне Второго Казанского похода Ивана Грозного (1549) (далее – Роспись) // Курбатов О. А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформ царского войска. Приложение // Единорогъ. Материалы по военной истории эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М., 2009. Вып. 1. С. 227.

²⁰ Кобрин В. Б. Власть и собственность... С. 96–97.

²¹ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 294–295.

²² Бенцианов М. М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М., 2019. С. 123–132. В некоторых чертах они позднее и воспринимались как наследники новгородских бояр.

Какое-то время переселенцы, безусловно, сохраняли память о своем прежнем происхождении. Интересным является пример Василия Хрущова Болтина. Этот сын боярский, попавший в литовский плен в 1535 г., в протоколе допроса был обозначен как «родом з Ростова, помещик з Лук». Подобная характеристика с избыточной информацией о его ростовском происхождении явно было получена с его слов, являясь одним из маркеров самоидентификации служилого человека. На практике, однако, подобные связи имели не слишком большое значение. Анализ системы поручительства, по данным более поздней десятины 1577 г., показывает, что выходцы из одних и тех же территорий, волею судьбы оказавшиеся вместе в Коломенском уезде, не слишком поддерживали друг друга, начиная выстраивать отношения с новыми сослуживцами²³.

С другой стороны, часто переселения имели вынужденный характер, затрагивая сложившиеся (в той или иной степени) группы местных землевладельцев. Часто они компактно размещались неподалеку друг от друга. Длительность сохранения ими своего обособленного положения прямо зависела от несения службы по особым спискам, то есть должна была подтверждаться целесообразностью их существования в виде отдельной группы.

Те же новгородцы, «прирожденные изменники» по определению промосковских летописцев, быстро утратили свою идентичность, будучи переведенными в восточные уезды. Некоторые из них, очевидно, уже 1480-х гг. получили статус дворовых детей боярских и уравниены за счет этого в правах с представителями «старых» служилых фамилий. В качестве кормленщика отмечился даже Яков Дмитриев Исаков, внук казненного после Шелонской битвы «крамольника» Д. И. Борецкого и правнук «прелестные жены Марфы», знаменитой Марфы-посадницы. В целом, несмотря на внушительное количество новгородских фамилий в некоторых уездах (Юрьев, Владимир, Кострома и особенно Нижний Новгород), в источниках не сохранилось признаков сохранения ими внутрикорпоративных связей. Единственным примером использования специфического обозначения является запись Ивана *Александровича* (sic) Самсонова, «новгородца», в списке погибших в битве на Ведроши (1500 г.) в синодике московского Успенского собора²⁴.

Быстро растворились в общей массе псковские бояре – 300 семей, хотя, похоже, многие из них не смогли подтвердить свой статус в качестве детей боярских.

Более длительным оказалось существование «вятчан». Представители этой группы в 1490-х гг. получили поместья в Боровском, Алексинском и Кременском уездах. Некоторые из них, по старой памяти, в 1499 г. участвовали в походе на «Югорскую землю» – вятчане, «которые живут в Московской земле»²⁵.

Упоминание «вятчан» встречается в актовых материалах, а также в платежной книге Московского уезда 1542–1543 гг. Их служба по отдельному списку подтверждается перечнем сводной десятины 1556 г. «десятина ружан, серпухович, торушан, вятчан, борович». «Вятчане из Боровска» упоминаются в разряде полоцкого похода 1562/1563 г. «Вятчане» фигурируют также в тексте рузской писцовой книги 1567–1569 гг.

Стоит высказать предположение, что указанные «вятчане» ощутили не дотягивали до стандартов, принятых для полноценных детей боярских. Существуют единичные упоминания о землевладении вятских бояр до московского завоевания. Отсутствие последующих испомещений на территории Вятского уезда свидетельствует о слабом развитии здесь ранее феодального землевладения. Позднее в 1542/43 г. в Московском уезде «вятчанину» Якову Труханову принадлежало среднее поместье размером в 100 четвертей (полчети сохи) земли. В

²³ Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. // Памятники истории Восточной Европы (Monumenta Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia). М.; Варшава, 2002. Т. 6. № 57. С. 137; Бенцианов М. М. «Князья, бояре и дети боярские»... С. 279.

²⁴ ПИРСС. С. 175.

²⁵ РК 1475–1598. С. 29.

Рузском уезде «вятчане» коллективно владели небольшими земельными участками. Один из них, Родя, был обозначен в писцовой книге без фамилии. В индивидуальном порядке некоторые «вятчане» могли повысить свой статус. Известно, что уже в начале XVI в. Костю Вятчанинову принадлежали земли (на правах вотчины) в Звенигородском уезде. Несколько позднее, в 1529–1530 гг., вотчина (приданое) Московского уезда принадлежала Дмитрию Федорову Лихотникову²⁶. Лихотниковы в последующие годы числились среди московских детей боярских. В целом же они, видимо, занимали промежуточное положение, сопоставимое с положением «ивангородцев» в Новгородской земле и, соответственно, не смешивались с детьми боярскими.

В целом при обсуждении вопроса о социальных перегородках, отделявших некоторые группы служилых людей от слияния с основной массой детей боярских, необходимо представлять логику и последовательность решений центрального правительства. Разница в подходах отчетливо проявилась при испомещении уже упомянутых «ивангородцев». Состав этой группы комплектовался за счет «людей» новгородских бояр, взятых на великокняжескую службу. Все они получили небольшие поместья, близкие по своим размерам к 5 обжам («пятибежники» в источниках более позднего времени). Примечательно, но другие «люди» новгородских бояр, в том числе тех же владельцев, присутствовали среди собственно новгородских помещиков. Размеры их поместий были значительно больше. Якуш Бунков, «Ивановской человек Лошинского», например, распорядился внушительным поместьем размером в 61 обжу. Отмеченная разница объяснялась разным временем испомещения. «Ивангородцы», как особая категория, появились уже после 1496 г., когда шведскими войсками был взят Ивангород²⁷. К этому времени на новгородских поместьях находилось уже большое число помещиков. Вопрос, следовательно, стоял не столько в количественном насыщении новой корпорации, точнее, нескольких пятинных субкорпораций служилыми людьми, сколько в организации правильной службы.

В более ранние годы задача формулировалась по-другому: необходимо было в короткие сроки создать в Новгородской земле внушительный корпус детей боярских, которые бы заменили собой выселенных бояр и житых. Соответственно, при существовавшем кадровом дефиците и ограниченности выбора местная администрация считала возможным включить в число помещиков определенное количество «людей» московских и новгородских аристократов. Некоторые из них определено ранее находились на положении холопов (Ватазины, Игнатий Черныш Уваров). Все они получили полноценные поместья, сопоставимые по своим размерам с поместьями других детей боярских. Упоминание об их прежней владельческой принадлежности, встречающееся в писцовых книгах, скорее всего, не было отражением особого статуса, а свидетельствовало о раздаче им поместий по спискам. Подобным образом упоминались территориальные обозначения для некоторых детей боярских – луховичи, Якуш Черной Пущин «звенигородец» и т. д. В дальнейшем потомки послужилцев также не выделялись среди новгородских помещиков. Нападки на них со стороны сослуживцев и обвинения в «низком» происхождении стали проявляться только в XVII в., с более широким распространением местнических традиций среди городского дворянства.

Некоторые «люди» князя Ивана Юрьевича Патрикеева получили поместья в Каширском уезде, где, очевидно, существовали аналогичные проблемы с комплектованием местной служилой корпорации. Не исключено, что подобные примеры существовали и на территории других пограничных территорий страны.

²⁶ НИОР РГБ. Ф. 303. Кн. 637. Л. 287; Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 гг. (далее – РПК) // Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 4. М., 1997. С. 172–173; ДДГ. № 95. С. 380; Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.) (далее – АМСМ). Л., 1983. № 34. С. 38.

²⁷ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 327–331; Писцовые книги Новгородской земли (далее – ПКНЗ). М., 1999. Т. 1. С. 225.

Несформировавшаяся сословная культура способствовала периодическому проникновению в ряды детей боярских представителей других социальных прослоек. В их среде неоднократно появлялись потомки дворцовых слуг разного уровня. Ю. Г. Алексеев обратил внимание на пример Бориса Косагова, который из крестьян села Каринского за несколько лет превратился в сына боярского²⁸. Позднее Косаговы также известны среди детей боярских.

Единичные случаи социального взлета такого рода были представлены в том числе и в высших эшелонах Государева двора (купцы Ховрины, сыновья дьяка Е. Попова Сергеева и др.). В целом, однако, эти прецеденты не имели устойчивого характера и не отражались на последующих перипетиях карьерного роста выявленных лиц, которые быстро становились частью той или иной служилой корпорации.

Относительная легкость интеграции различных групп служилых людей в существующую модель организации службы была обусловлена отсутствием у большинства из них оформленных корпоративных черт. Служилые корпорации создавались и поддерживались уже в рамках единого государства. Поземельные связи и предшествующая совместная служба в случае с группами служилых людей из присоединяемых к Московскому государству территорий были неустойчивы и достаточно условны. При проведении земельных переселений (принудительных или добровольных) такого рода связи утрачивались в течение жизни одного поколения. Аморфность и размытость критериев делали возможным проникновение в среду детей боярских выходцев из других социальных прослоек.

Материалы Дворовой тетради показывают, что существовавшие в середине XVI в. обособленные группы имели уже, скорее, вторичный характер. Центральное правительство либо создавало их искусственно, как в случае с «литвой дворовой», либо прикладывало определенные усилия для их длительного функционирования, как это было сделано для родовых княжеских корпораций, защищаемых указами о родовых вотчинах. Несколько в стороне от этого процесса стояли удельные дети боярские – «княж Юрьевские» и «княж Андреевские», представлявшие исчезнувшие в предыдущие десятилетия княжества. Тем не менее, удельная система в это время была вновь реанимирована. Новые уделы были созданы для Владимира Старицкого (воссоздан отцовский удел) и Юрия Углицкого. Эти уделы были полноценно укомплектованы дворовыми, включая бояр и приказных людей, и городовыми детьми боярскими. Часть служилых людей была направлена на службу к царям Симеону Касаевичу и Симеону Бекбулатовичу, а также к царице Анастасии Романовой.

Подобные целеустремленные действия доказывают значимость отмеченных групп в общей системе организации службы на протяжении длительного времени и определяют необходимость тщательного изучения их происхождения, особенностей статуса и эволюции. Не меньшее значение имеет выяснение комплекса причин их исчезновения под влиянием происходивших в середине – второй половине XVI в. перемен, консолидации массы служилых людей и их объединения на основе единых, унифицированных стандартов службы.

²⁸ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 24–25.

Глава 1

Княжеский фактор

«Молодшая братья»

«Княжеский» вопрос внутри Русского государства имел достаточно длинную историю. Уже в середине XIV в. на московской службе присутствовало несколько князей. В 1314 г. князь Федор Ржевский был отправлен в Новгород «с Москве», и «изыма наместников Михайловых (Михаила Тверского. – М. Б.). В 1339–1340 гг. в походе на Смоленск принимали участие Иван Друцкий и Федор Фоминский. Тестем Семена Гордого был князь Федор Святославович (вероятно, упомянутый ранее Ф. Ржевский). Как следует из летописного известия, после расторжения брака княгиня Евпраксия была отправлена «к отцу ея... на Волок»²⁹. Очевидно, Волок Ламский был передан ему в кормление. Можно предположить, что подобные факты были немногочисленны. Такие князья выступали, скорее, в качестве младших союзников московских князей. Ф. Ржевский воспринимался как равноправный участник борьбы за новгородский «стол». Именно он возглавлял новгородские полки на Волге. После поражения под Торжком Михаил Тверской требовал у новгородцев его выдачи наряду с братом Юрия Московского Афанасием³⁰. Иван Друцкий и Федор Фоминский в походе на Смоленск упоминались сразу после очевидных союзников Ивана Калиты – князей Константина Суздальского и Ивана Ярославича Юрьевского³¹.

В представлениях того времени все князья рассматривались друг другом как «братья», что подтверждалось общностью их происхождения от одних и тех же предков, даже если речь шла о символической составляющей подобных отношений³². В «Задонщине» приводится обращение Дмитрия Донского к собравшимся князьям: «Братия и князи руские, гнездо есмя были великого князя Владимира Киевскаго». Это обращение не было простой данью поэтическому образу. Разветвленная система «родства» («брат старейший», «брат», «брат младший», позднее также «братнич») находила подтверждение в текстах заключаемых докончаний. Князья разных линий неоднократно описывались как «братья» и в летописных текстах. В 1365 г., например, для отражения набега Тогая на Рязанскую землю объединились силы нескольких князей: «Князь же великий Олег Рязанский с своею братьею с Володимером Проньским и Титом Козельским собрав силу свою»³³. В этом эпизоде в число «братьи» рязанских князей был включен Тит Козельский, который по своему происхождению находился с ними в весьма отдаленном родстве (через брак своего сына Ивана был его свояком). В последующие десятилетия среди «братии» рязанских князей фигурировали также князья Муромский и Козельский³⁴. Через терминологию родства в данных случаях, очевидно, описывались уже отношения служебной зависимости.

²⁹ ПСРЛ. Т. 15. Пг., 1922. Вып. 1. Ст. 57; Чернов С. З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 182.

³⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 335–336.

³¹ Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 363. Уже после «князей» были названы великокняжеские воеводы Александр Иванович и Федор Акинфович.

³² Аристов Вадим. Служилые князья Романовичей // Colloquia Rossica. Krakow, Vol. 3. 2013. С. 96. Интересно отметить, что мотив «братства» русских князей был повторен Афанасием Никитиным в его «Хождении за три моря»: «Но почему князья земли Русской не живут друг с другом как братья! Да устроится Русская земля, а то мало в ней справедливости».

³³ ПСРЛ. Т. 18. С. 104.

³⁴ ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 163, 184–185.

Память о родстве сохранялась и в последующие столетия (не без участия самих князей). В 1557 г., например, Иван IV, подчеркивая «сомнительное» происхождение шведского короля Густава Вазы, указывал на знатность новгородских наместников «а князь Михайло Кисло и князь Борис Горбатой и то Суздальские князи, от корени великих царей Русских». В посланном в Константинополь к патриарху Иоасафу в том же году синодике содержались упоминания об основных великокняжеских династиях: смоленской, тверской, полоцкой, черниговской, рязанской. Родство княжеских фамилий Рюриковичей и Гедиминовичей – потомков полоцких князей, подчеркивалось также и в Государевом родословце³⁵.

Отношения подданства в княжеской среде утверждались на протяжении нескольких столетий. Процесс этот был далеко не простым. Только в договоре конца 1440-х гг. между Василием Темным и суздальским князем Иваном Васильевичем Горбатым в противоположность проекту dokonчания 1445 г. между Дмитрием Шемякой и суздальскими князьями старшей ветви Василием и Федором Юрьевичами (Шуйскими) упомянутая система «родства» претерпела решительные метаморфозы. Великий князь выступал здесь уже как «господарь» со всеми вытекающими из этого последствиями. Намеченная тенденция получила отражение в крестоцеловальной записи князя Данилы Холмского, тверского удельного князя на московской службе, 1474 г. Иван III именуется в этом документе «господином» и «осподарем»³⁶.

В 1491 г. князь Василий Васильевич Ромодановский (из рода князей Стародубских), посол в Крыму, использовал в обращении к Ивану III уничижительное словосочетание «холоп твой, государь, Васюк Ромодановский». Позднее холопом называл себя также служилый князь Иван Михайлович Воротынский³⁷. Не все, однако, было так однозначно. Сын того же Д. Д. Холмского Василий в 1500 г. стал зятем государя всея Руси, будучи уравненным, таким образом, с другими прямыми родственниками великокняжеской семьи – великим князем Литовским и позднее польским королем Александром Казимировичем и царевичем Петром (ХудайКулом).

При определенном стечении обстоятельств и благоприятном отношении Орды каждый князь мог приобрести права самостоятельного правителя, реализовав тем самым свои наследственные права. История князя Федора Ростиславича Можайского из смоленского княжеского дома, получившего выморочное Ярославское княжество в обход законных наследников (князей Ростовских) и впоследствии ставшего основателем новой династии, красноречиво демонстрировала такую возможность. Непрочность и зыбкость подобной позиции с точки зрения великих князей из основных княжеств Северо-Восточной Руси приводила князей-изгоев, оказавшихся по тем или иным причинам на их службе, к постепенному слиянию с местными боярами. В. Б. Кобрин справедливо отметил недопустимость использования словосочетания «боярин князь» в XIV и в начале XV в. В это время представители княжеских фамилий, вливавшихся в боярскую среду, теряли княжеский титул, а вместе с ним и необходимый набор княжеских прав. Они в дальнейшем не могли претендовать на особое отношение к себе и своим потомкам³⁸. Родословные росписи показывают, что такая практика была достаточно распространенной. Известно, в частности, что княжеский титул «добровольно» сложил с себя Иван Шонур Козельский. Судя по родословным росписям других известных фамилий, его пример не был единичным³⁹.

³⁵ Сборник Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). СПб., 1910. Т. 129. С. 39; Каштанов С. М. Царский синодик 50-х годов XVI в. // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1993. Вып. 2. С. 52–53.

³⁶ Кобрин В. Б. Власть и собственность... С. 67; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (далее – АСЭИ). М., 1964. Т. 3. № 18. С. 34–35.

³⁷ Сб. РИО. СПб., 1884. С. 111; Назаров В. Д. Тайна челобитной Ивана Воротынского // Вопросы истории. 1969. № 1. С. 210.

³⁸ Кобрин В. Б. Власть и собственность... С. 68.

³⁹ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века: опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 433–438; Веселовский С. Б.

К концу XIV в. в рядах московского боярства было представлено сразу несколько фамилий, имевших княжеское происхождение. Из смоленского княжеского дома к ним относились Всеволожи-Заболоцкие, измельчавшие потомки фоминских князей: Крюковы, Собакины-Травины, Вепревы, Ржевские, Толбузины, Полевы и Еропкины, Порховские, а также, возможно, Нетшичи⁴⁰. От муромских князей выводили свое происхождение Овцыны и Лыковы, от козельских – Сатины, а от галицких – Березины, Осинины и Ивины. Княжеский титул потеряли даже Волыньские, связанные брачными узами с семьей московских великих князей⁴¹.

Ситуация в Москве была типичной и для других территорий Северо-Восточной Руси. В соседнем Тверском княжестве из числа «князей» выбыли Карповы и Бокеевы (князя Фоминские). На родство со смоленской династией претендовали также белозерские вотчинники Монастыревы⁴². Потомками князей (неизвестного происхождения) могли быть Липятины⁴³. Глухие сведения о княжеском происхождении присутствовали позднее при упоминании Косицких (Косицкий стан Верейского уезда), Татищевых и Писемских⁴⁴, а также Кузьминских⁴⁵. Аналогичные процессы происходили и за пределами Северо-Восточной Руси. В Новгородской земле князя Копорские вошли в состав местных землевладельцев, потеряв свой титул⁴⁶.

Интересно отметить, что, переходя на положение московских бояр и лишаясь княжеского титула, некоторые князья сохраняли родовые земли. Александр Поле Фоминский несколько раз фигурировал в летописях в качестве боярина Дмитрия Донского и его сына Василия. При этом еще Н. Д. Квашнин-Самарин обратил внимание на то, что городок Старый Березуй, один из центров Фоминского княжества, имел второе название Полево, то есть когда-то принадлежал самому А. Б. Полю или кому-то из его прямых потомков. Полевы впоследствии продолжали владеть вотчинами в соседнем Зубцовском уезде, земли которого ранее входили в состав того же фоминского княжества. Если правильным является тождество А. Б. Поля и упомянутого в московско-литовских договорах князя Александра Борисовича Хлепенского, то уместным кажется предположение о сохранении ими здесь традиционного набора княжеских прав⁴⁷.

Позднее московский боярин (определенно с начала 1460-х гг.) и воевода князь Василий Косой Оболенский фигурировал в московско-литовском договоре 1449 г. как служилый князь Василий Иванович Тарусский⁴⁸.

Исследования по истории класса служилых землевладельцев (далее – Веселовский С. Б. Исследования). М., 1969. С. 362, 460.

⁴⁰ Александр Нетша по родословной памяти был сыном князя Федора Константиновича, сына Ростислава Смоленского.

⁴¹ Веселовский С. Б. Исследования. С. 285–286, 331–332, 359, 361, 363, 369, 418, 458; Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2014. Т. 1. С. 59–197.

⁴² Веселовский С. Б. Исследования. С. 374–376; Кузьмин А. В. На пути в Москву... Т. 1. С. 240–250. А. Л. Грязнов поставил под сомнение княжеское происхождение Монастыревых (Грязнов А. Л. Княгиня Федорова Федосья // Ежегодник историко-антропологических исследований. М., 2008. С. 31).

⁴³ Предположение А. В. Кузьмина об их связи с князьями Фоминскими выглядит недостаточно обоснованным (Кузьмин А. В. На пути в Москву... Т. 1. С. 137–140).

⁴⁴ АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 410. С. 432. Татищевы выводили себя от смоленских князей. Эта легенда не отличается правдоподобностью. Учитывая их гипотетическое родство с галичанами Писемскими и наличие вотчин в Дмитровском уезде, можно предположить их связь с дмитровско-галицкими князьями. В добавление к приведенным Ю. В. Татищевым сведениям о связях Татищевых и Писемских стоит упомянуть поминание «благодарному князю Стефану Павловичу Писемскому», погибшему под Казанью, в синодике Успенского Ростовского собора (Татищев Ю. В. Татищевы и Писемские // Сборник статей, посвященных Л. М. Савелову. М., 1915. С. 70–78; ПИРСС. С. 195).

⁴⁵ Вероятными потомками князя Петра Кузьминского, погибшего в 1437 г. на Белеве, были юрьевские дети боярские Кузьминские (АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 598. С. 496).

⁴⁶ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981. С. 213–228.

⁴⁷ Квашнин-Самарин Н. Д. Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь, 1887. С. 27; Чернов С. З. Волок Ламский... С. 182. Не исключено, что от прозвища Михаила Крюка, сына князя Федора Красного Фоминского и боярина Василия Дмитриевича Московского, происходило название селения Крюково и деревни Крюково в границах бывшего Фоминского княжества.

⁴⁸ Горский А. А. От земель к великим княжениям. «Примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в. М., 2010.

Первоначально владетельные князья, оказавшиеся под властью Москвы, лишались своих земель и могли получить их уже в качестве пожалования. Из Можайска в начале XIV в. были изгнаны представители местной династии (князья Смоленские). Дмитрий Донской позднее согнал со своих уделов князей Дмитрия Галицкого и Ивана Стародубского⁴⁹. И если князья Стародубские позднее вернули себе свои «отчины», то территория Галицкого княжества вошла в состав московского «домена».

По мере расширения территории Московского княжества и включения в его орбиту большого числа прежде независимых княжеств такое решение проблемы становилось довольно проблематичным. Общее число различных владетельных князей было слишком велико. Некоторые из них были связаны с семьей Калитовичей давними союзническими обязательствами и родственными узами. Препятствовали активному проявлению силового сценария также внешние факторы. Крупномасштабное применение силы в отношении подданных (в прямом значении этого термина) князей вряд ли нашло бы поддержку у ордынских правителей. Гарантом «старины» для верховских князей и, вероятно, некоторых других выступало Великое княжество Литовское, серьезные конфликты с которым не входили в планы Дмитрия Донского и его преемников⁵⁰.

Долгая и изнурительная борьба с изгнанными суздальско-нижегородскими князьями, пытавшимися вернуть себе свои земли, показала бесперспективность такого подхода. Значительно проще было использовать ресурсы князей в своих целях, тем более что такого рода практика также имела длительную историю. Большое число владетельных князей сохранило за собой свои княжества «под рукой» у московских князей. Взамен они обязывались служить им вместе со своими боярами и слугами.

Впервые служилые князья, без употребления самого этого термина, фигурируют в московско-тверском договоре 1399 г.⁵¹ Легализация их статуса была зафиксирована в межкняжеских договорных грамотах: московско-тверские, московско-литовские договоры, а также dokonчания князей внутри московского княжеского дома⁵². В случае отъезда «служебных князей» к другому «сюзерену» их земли подлежали конфискации: «А князей служебных с вотчиною в службу не приимати. А которые имут служити, и им в вотчину свою не вступаться». Указанное требование неизменно подтверждалось на протяжении всего последующего столетия и находило применение на практике. Как заметил В. Д. Назаров, в родословной князей Ярославских упоминается Андрей Львович Дулов, который «отъехал во Тверь, потому и вотчины отстал»⁵³.

В сущности, приведенная формулировка из княжеских dokonчаний является единственным упоминанием служилых князей и оставляет возможности широкого толкования для определения критериев соотнесения того или иного лица с этой категорией, которая изначально имела, видимо, не слишком отчетливый характер. Очевидна связь служилых (служебных) князей со службой. Выезд на службу князей с конца XIV в. сопровождался характерной формулировкой «служити». Эта формулировка присутствовала при описании выездов князя Александра Нелюба Гольшанского, Свидригайло (видимо, не было в Троицкой летописи), а позднее была повторена применительно к верховским князьям – Дмитрию Воротынскому, Ивану Пере-

С. 117–121; Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI века. М., 2012. С. 151–152; Келембет С. Н. Тарусское княжество и его уделы // Средневековая Русь. М., 2018. Вып. 13. С. 92–93.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 11. С. 2.

⁵⁰ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца первой XV – первой трети XVI в. М., 1995. С. 46, 87.

⁵¹ Назаров В. Д. Служилые князья... С. 178–179.

⁵² Близкое к служилым князьям положение занимали, похоже, мещерские князья, чей статус оговаривался в московско-рязанских договорах.

⁵³ ДДГ. № 24. С. 65; Назаров В. Д. Служилые князья... С. 191; Родословная книга князей и дворян российских и выехавших... (далее – Род. кн.). М., 1787. Ч. 1. С. 178.

мышльскому, Ивану, Андрею и Василию Белевским, Михаилу Мезецкому, отъезжавших к Ивану III со своими «отчинами»⁵⁴.

Скорее всего, определяющим фактором для служилых князей в Северо-Восточной Руси была служба по договору, при признании их «княжеского» статуса принимающей стороной. Упоминание о таком договоре великого князя Василия Дмитриевича с тарусским князем Дмитрием Семеновичем сохранилось в описи Посольского приказа 1626 г.⁵⁵ Менее очевидной представляется связь служилых князей с обязательным наличием у них собственных княжеств, на чем настаивал, например, В. Д. Назаров⁵⁶. При смене ими своего «государя» и потере родовых «отчин» (как это предусматривалось по букве межкняжеских докончаний) они могли сохранять без изменения свой статус «князей». Этот момент никак не оговаривался в сохранившихся текстах договоров и, видимо, оставался вне поля интересов сторон. Те же Дуловы, а также и Морткины, впоследствии сохранили на тверской службе в качестве маркера свой княжеский титул и упоминались с ним в позднейших источниках⁵⁷.

В родословной князей Белевских был зафиксирован неприятный для них эпизод, относящийся к 30-м гг. XV в.: «князь великий было Василий (Василий Темный. – М. Б.) свел их с вотчины з Белева в опале, а дал им Волок, и жили на Волоце долго, и князь великий пожаловал и, опять им вотчину их Белев отдал». Белевские, безусловно, входили в число служилых князей и впоследствии были признаны в этом качестве как литовскими, так и московскими правителями. Свой статус они, по всей видимости, сохраняли и во время вынужденной ссылки, о чем свидетельствует последующее возвращение им территории родового княжества. Брак князя В. И. Косого Оболенского, одного из виднейших представителей своей фамилии, с Евпраксией Белевской, отмеченный в родословцах, показывает, что Белевские высоко котировались среди московских «князей»⁵⁸.

Периодически во всех княжеских династиях Северо-Восточной Руси происходили политические коллизии, вынуждавшие их представителей искать пристанище у соседей. Иногда им удавалось впоследствии вернуть себе прежнее положение. Среди тверских князей Василию Дмитриевичу Московскому служил какое-то время Иван Холмский, женившийся на его сестре. Он был отправлен князем в Псков, а позднее вернулся обратно в Тверь, возвратив себе права удельного князя. В Москве какое-то время находился и его брат Юрий⁵⁹. На литовской службе подвизался известный сторонник Свидригайло Андрей Дорогобужский, который еще раньше отметился на службе в Новгороде. Он получил свое обозначение, впоследствии ставшее фамилией его потомков, от смоленского Дорогобужа, центра его владений в Великом княжестве Литовском. После подавления восстания в Смоленске в 1440 г. он вернулся в Тверское княжество. В 1444 г. он был воеводой в походе на Новгород, затем в 1446 г. ездил в Вологду «опытать о великомъ князе Василии», а в 1452 г. был отправлен в погоню за отрядом Дмитрия Шемяки, напавшим на Кашин. Судя по его упоминанию среди «братии молодчей» Бориса Александровича в жалованной грамоте Успенскому Отрочу монастырю, ему удалось восстановить свой статус при тверском дворе. Позднее Дорогобужским принадлежали вотчины на территории Тверского уезда⁶⁰.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 151, 154; «Служити» могли, конечно, не только князья. «Хотяще служити» приезжали в 1392 г., например, «двора царева постельники» (Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 443).

⁵⁵ Опись Посольского приказа 1626 г. М., 1977. С. 37. По родословной росписи «в докончание его князь великий Василей пожаловал принял».

⁵⁶ Назаров В. Д. «Господь, князь великий, служилые князья, и Государев двор в России XV века // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008. С. 347.

⁵⁷ В Дворовой тетради некоторые из Дуловых упоминались уже без титула.

⁵⁸ Кром М. М. Меж Русью и Литвой... С. 44–46.

⁵⁹ Меркулов И. В., Штыков Н. В. Князья Холмские в системе политической элиты Русского государства в конце XV–XVI в. // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2016. Т. 18. Вып. 6. С. 8.

⁶⁰ Полевых С. В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М.,

Периодически в Литву бежали и князья московского дома. В XV в. они получали там земельные владения и становились служилыми князьями. В 1446 г. Василию Боровскому (ранее в Литву отъезжал его отец Ярослав) Казимир IV передал Брянск, Стародуб, Гомель и Мстиславль. Затем он включился в борьбу за восстановление на престоле Василия Темного и вернул себе свой удел. Трудно сказать, как сложилась бы его судьба на литовской службе. Скорее всего, он бы узаконил свой статус в качестве одного из вассалов литовского господаря. В дальнейшем практика передачи крупных владений московским эмигрантам была продолжена. Ивану Можайскому были отданы Чернигов, Стародуб, Гомель и Любеч. Ивану Шемячичу – Рыльск и Новгород-Северский, а Ивану Боровскому (сыну упомянутого ранее Василия Ярославича) – Клецк и Рогачев.

Большое число такого рода изгнанников оседало в Новгороде и Пскове, которые охотно принимали их на свою службу. В качестве «служебников» этих республик они сохраняли статус князей, могли содержать внушительные отряды⁶¹, а впоследствии претендовать на обладание тем или иным «столом»⁶². Нередко князья в Новгород и Псков назначались «из рук» правителей соседних великих княжеств.

2015. С. 571–572; АСЭИ. Т. 3. № 117. С. 153–154. Издателями акт отнесен приблизительно к периоду 1435–1437 гг. В 1434 г., а скорее и ранее, А. Д. Дорогобужский, однако, уже владел Дорогобужем и вряд ли мог оказаться в компании своих родственников. Скорее, указанное пожалование относилось к периоду уже после его бегства из Смоленска. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века (далее – ПМТУ). М., 2005. С. 58, 260, 309.

⁶¹ В 1461 г. на службе у князя А. В. Чарторыйского в Пскове состояло «кованой рати 300 человек, опричь кошовых».

⁶² Янин В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 90–101.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.